

Б. С. МЕЙЛАХ

„ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ“ ПУШКИНА

Одним из самых загадочных и своеобразных произведений Пушкина является большое литературно-публицистическое сочинение, которое в изданиях последних лет (начиная с 1933 г.) печатается под заголовком „Путешествие из Москвы в Петербург“ (в старых изданиях оно называлось „Мысли в дороге“). Писал его Пушкин в 1833—1835 гг.¹ В рукописи заглавия нет. Однако более чем вероятно, что Пушкин именно под таким названием печатал бы это произведение. Во вступлении к нему он пишет, что по дороге из Москвы в Петербург стал читать книгу Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву“ с последней главы. „... таким образом, — говорит Пушкин, — заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург“. Написанные Пушкиным главы „Путешествия“ соответствуют главам радищевского „Путешествия“, но в обратном порядке. Пушкин не закончил этого своего сочинения. Но и в написанных им главах (не только в черновой, но и в белой рукописи) затрагиваются острейшие вопросы современности. Пушкин говорит о Москве и Петербурге, о политических и экономических изменениях, происшедших в России, о независимости и чести писателя, о сословности, о покровительстве и меценатстве, о цензуре и свободе книгопечатания, о крепостном праве и положении крестьянства, о западноевропейском буржуазном строе. Уже из этого краткого перечня тем можно заключить, что перед нами попытка поставить в публицистической форме острейшие вопросы русской действительности 30-х годов. Такое понимание пушкинского „Путешествия“ в особенности укрепляется при изучении его творческой истории.

Вокруг пушкинского „Путешествия“ почти столетие не умолкают горячие споры. Одни исследователи считали, что Пушкин в этом сочинении, а также в статье „Александр Радищев“ сочувствует Радищеву, но старается „перехитрить“ цензуру; другие же пытались доказать, что Пушкин выступает здесь открытым противником Радищева и никаким эзоповским языком вообще не пользуется.² Как нам представляется, в самом подходе к изучению „Путешествия“ допускались существенные ошибки. Неправильным является уже то, что все исследователи строят свои выводы на почти полном отождествлении замыслов пушкинского „Путешествия“ и его же статьи „Александр Радищев“ и не видят никакой разницы между содержанием и заданиями этих двух произведений. Нельзя согласиться, далее, с тем, что главной целью Пушкина

¹ Начало работы над „Путешествием“ датируется пометкой в первоначальном черновом наброске первой главы: „2 декабря 1833“. Далее Пушкин писал его с перерывами в течение 1833 и 1834 г. Глава „Москва“ относится к началу 1835 г.

² Изложение разных мнений по поводу этого произведения дано в брошюре проф. П. Н. Сакулина „Пушкин и Радищев“ (М., 1920). В литературе последних лет преимущественно варьировались упомянутые выше две точки зрения.

в его „Путешествии“ была полемика с Радищевым: такое заключение, как мы увидим дальше, не вытекает из пушкинского произведения — оно не является преднамеренным „ответом“ Радищеву. Не учитывалось также, что Пушкин ведет свое повествование от имени третьего лица. Наконец, не учитывалось в достаточной степени, что „Путешествие“ не только не является законченным произведением, но и написанные главы не отделаны. Поэтому замысел Пушкина может быть раскрыт с наибольшей полнотой в его динамике, т. е. путем изучения процесса создания „Путешествия“, на основании сохранившихся рукописей и использованных Пушкиным материалов.¹

Самый факт обостренного интереса Пушкина к Радищеву в 30-х годах весьма показателен. Как известно, Радищев был для Пушкина одним из самых любимых писателей, его постоянным литературным спутником. Еще в 1814 г. в „Бове“ Пушкин указывает на Радищева как на образец для подражания:

Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

В сознании Пушкина Радищев — великий революционер и мыслитель, „рабства враг“ („Послание цензору“). Влиянием Радищева отмечены, как известно, лучшие строфы пушкинской оды „Вольность“, строфы, полные пафоса обличения и призыва к борьбе с самовластьем и рабством. Расправу с Радищевым Пушкин считал одним из наиболее тяжелых преступлений Екатерины („Исторические замечания“, 1822). В 1823 г. Пушкин отметил, в качестве серьезного упущения, отсутствие имени Радищева в статье А. Бестужева „Взгляд на старую и новую словесность“, напечатанной в „Полярной Звезде“. „Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? — писал Пушкин Бестужеву. — Кого же мы будем помнить?“. Наконец, глубоко симптоматично, что в рукописи стихотворения „Я памятник себе воздвиг нерукотворный...“ имя Радищева возникает как имя исторического предшественника Пушкина.

Все это говорит о большом значении Радищева для Пушкина на всем протяжении жизненного пути поэта. Несомненно, что, работая в 1833—1835 гг. над своим „Путешествием“, а в 1836 г. пытаясь провести через цензуру статью „Александр Радищев“, Пушкин одной из своих задач ставил воскрешение в памяти читателей этого, запрещенного в то время, имени. Но изучение текста пушкинского „Путешествия“ показывает, что его замысел носит особый характер. Перед нами опыт политической декларации Пушкина 30-х годов, охватывающей важнейшие проблемы русской действительности этого времени.

Казалось бы, что самый жанр пушкинского произведения целиком определяется радищевским „Путешествием“. Однако это не совсем так.

В пушкинском „Путешествии“ реальных подробностей поездки нет (за исключением первой вводной главы). В отличие от Радищева, Пушкин не говорит о своих отъездах или переездах от одной станции к другой и о дорожных наблюдениях. Поездка является здесь только поводом для записи размышлений, перемежающихся цитатами, воспоминаниями, различного рода отступлениями. Эта жанровая особенность была для Пушкина чрезвычайно важна, так как позволяла свободно варьировать мотивы радищевского „Путешествия“, останавливаясь на одних темах, пропуская другие, переходить неожиданно от одной мысли к другой, заставляя чита-

¹ В составе пушкинского архива, в настоящее время целиком воссоединенного в Рукописном отделении Института литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, имеется беловая Рукопись „Путешествия“, писарская копия, правленная Пушкиным, и черновики, содержащие большое количество вариантов.

теля досказывать мысль за автора и т. д. Только учитывая эту специфику пушкинского „Путешествия“ можно не удивляться его нарочитой отрывочности или тому, что в нем приведен обширный рапорт Ломоносова о его занятиях с 1751 по 1757 г. (исключительно интересный сам по себе, но к поездке из Москвы в Петербург непосредственного отношения, разумеется, не имеющий). Все это говорит о том, что Пушкин не ставил своей задачей создавать параллельное Радищеву „Путешествие“ (как это принято думать), а пользовался радищевским „Путешествием“ для высказывания собственных соображений. Пушкин, начав свое „Путешествие“, думал довести его до печати и, следовательно, не писал бы книгу, параллельную радищевскому „Путешествию“ или даже наводившую мысль на какие-то соответствия. Не входила в его задачу и общая характеристика Радищева, которую он впоследствии дал в другой своей статье „Александр Радищев“. Правда, в черновике главы „Шоссе“ у Пушкина сначала возникала мысль о характеристике Радищева, но была им отброшена.

Первоначально первая глава пушкинского „Путешествия“ называлась „Дорожный товарищ“, т. е. Пушкин с самого начала заявлял, что книга Радищева заменила ему дорожного товарища. Этот заголовок, важный для нас с точки зрения восприятия Пушкиным облика Радищева, был, однако, отброшен, и это существенно повлияло на конструкцию всего произведения. Пушкин в черновике пишет о радищевском „Путешествии“: „Радищев написал несколько отрывков безо всякой связи и порядка. Вы можете читать их как вам угодно“. И в самом деле, Пушкин сначала вероятно и не думал о последовательности глав; не только в черновике нет этой последовательности, но и в белой рукописи пропущена глава „Завидово“.

Весьма важным является то, что в пушкинском „Путешествии“ образы путешественника и самого Пушкина резко отделены один от другого. Пушкинский путешественник некоторыми своими чертами близок к Ивану Петровичу Белкину. Это — в полную противоположность самому Пушкину — смиренный домосед, 15 лет не пускавшийся в путь и вообще не склонный к переездам (в черновике он признается даже в своей изнеженности), человек, любящий мирно пофилософствовать. В предисловии он, например, по-обывательски рассуждает о преимуществах скучной книги для путешественника или для тюремного заключенного и радуется тому, что вместо холодной телатины взял с собой книгу Радищева. Возможно, что самый замысел „Путешествия“ возник у Пушкина в 1830 г. в процессе создания „Повестей Белкина“. В этом нас убеждают следующие признания рассказчика в „Станционном смотрителе“: „Любопытный запас моих путевых наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени“. И в рукописи пушкинского „Путешествия“ мы находим некоторые намеки на специфический облик путешественника, который помнит еще екатерининские времена. Все это подтверждает, что Пушкин, конечно, не печатал бы „Путешествие“ от своего имени и не отождествлял бы себя с героем этого произведения. Созданный им образ путешественника давал простор для самых разных суждений. Среди них были и такие, которые совершенно не соответствовали пушкинским взглядам и, будучи продиктованы цензурными соображениями, отражали иногда самые ходовые, заимствованные из различных источников мысли. Но вместе с тем в „Путешествии“ сохранялся и второй план, пользуясь которым, Пушкин высказывал и свои собственные мнения по важнейшим вопросам. Подлинный автор пушкинского „Путешествия“, конечно, стал бы известен читателю (как стал известен и автор „Повестей Белкина“, несмотря на их анонимность). Поэтому, наряду с чуждым Пушкину голосом „Путешественника“, здесь должен был звучать и другой голос — голос самого Пушкина. Отсюда та противоречивость суждений, которая изум-

ляла исследователей этого произведения и которая была вызвана особыми задачами замысла.

Чтобы этот замысел стал яснее, необходимо учесть то тягчайшее положение, в котором Пушкин оказался после поражения декабрьского восстания. Начиная со второй половины 20-х годов, его жизнь становилась с каждым годом все более и более тяжелой. Трагизм положения поэта заключался не только в том, что он подвергался ожесточенной травле со стороны царского правительства, придворных кругов, реакционной журналистики. Эта сторона его биографии освещена с наибольшей полнотой, и нет необходимости здесь на ней останавливаться. Меньше внимания обращалось исследователями на мучительные переживания, которые были вызваны у Пушкина непониманием его позиций современниками после декабря 1825 г. С поражением декабрьского восстания надежды на переворот исчезли, ибо силы, способные насильственным путем изменить существовавшие порядки, были разгромлены. Сознавая, что самодержавие победило, Пушкин, однако, не отказался от своих вольнолюбивых убеждений. Он не переставал ощущать свою идейную связь с декабризмом: свидетельство этому — стихотворения „В Сибирь“, „Арион“, послание И. И. Пущину, стихотворение „19 октября 1827“, десятая глава „Евгения Онегина“.

Но истинная политическая позиция Пушкина не была известна в то время широким кругам передового русского общества и, более того, искажалась в сознании современников неверной трактовкой стихотворения „Стансы“ („В надежде славы и добра...“). Это стихотворение свидетельствует о том, что Пушкину так же, как и многим декабристам, сидевшим в казематах Петропавловской крепости, одно время казалось, что коренные политические перемены могут быть результатом „доброй воли“ Николая I, который тогда лицемерно разыгрывал роль нового реформатора, нового Петра. Письма из крепости, которые писали Николаю декабристы, призывавшие его к реформаторской деятельности,¹ и „Стансы“ Пушкина — основаны на едином, антиисторическом понимании роли личности в истории. Согласно этому, в корне ошибочному, внеклассовому пониманию, личность, обладающая законодательной властью, может произвести коренные изменения существующих порядков по „доброй воле“. Корни этого в тех отступлениях к либерализму, которые порою были свойственны дворянской революционности. Из такого понимания роли личности в истории логически вытекала идея о необходимости влиять на царя, чтобы склонить его к переменам. Манифест Николая I от 13 июля 1826 г. содержал в своей „программной“ части демагогические строки о „постепенном усовершенствовании“ и о том, что „всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех открытым, всегда будут приняты нами с благоволением“.

Не без влияния подобных лицемерных заверений возникли неудачные, ложные, но упорные попытки Пушкина давать уроки царю. В 1826 г. он пишет по его предложению записку „О народном воспитании“ и в заключении ее просит у царя разрешения представить и другие проекты („...мысли касательно предметов, более мне близких и знакомых“). В 1826 г. откликом на известия о секретном комитете для проведения реформ являются „Стансы“ („В надежде славы и добра...“). В 30-х годах вновь возникает кратковременная иллюзия относительно возможности перемен. В марте 1830 г. Пушкин извещал П. А. Вяземского, что он думает „пуститься в политическую прозу“, ибо государь, уезжая, оставил в Мо-

¹ См. сб. „Из писем и показаний декабристов“, под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 25, 44, 71, 81.

ске проект реформ („ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан, крестьян и крепостных — вот великие предметы“). Подобные иллюзии у Пушкина то усиливались, то ослабевали, и даже когда Николай произвел Пушкина в камер-юнкеры, вызвав этим величайшее возмущение поэта, Пушкин записывает в дневнике о своих попытках и в новых условиях „привести хоть каплю добра“, т. е. использовать для своих политических целей встречи во дворце. Правда, предположения о том, что Николай может быть похож на „вечного работника на троне“ — Петра I, должны были рассеяться под влиянием самой жизни. В 1834 г. Пушкин записал в дневнике о Николае: „В нем много от прапорщика и немножко от Петра Великого“. Но и слово „немножко“ было излишним.

Отразившаяся в „Стансах“ тактика Пушкина по отношению к Николаю целиком укладывалась в свойственную дворянской оппозиции трактовку проблемы использования легальных возможностей для проведения определенных политических идей. После декабрьского восстания для Пушкина стало ясно, что наряду с нелегальной работой и подготовкой переворота многие из декабристов пытались воздействовать на Александра I и легальными методами. Создавая „Стансы“, Пушкин не мог не вспомнить о тех наставлениях, которые дал ему декабрист В. Раевский еще в Кишиневе. В послании Раевского „К друзьям“ Пушкину, между прочим, адресованы следующие строки:

Воспой величие царей,
Их благодать должную к народу,
В десницах их его свободу
И право личное людей...
Быть может смелый голос твой
Дойдет до Кесаря молвою,
Быть может с кротостью святою
Он бросит не суровый взор
На мой ужасный приговор...¹

Перечитывая „Думы“ Рылеева, Пушкин встречал в них образ царя-реформатора и, наряду с этим, „мужа совета“ (т. е. политического советника), который будет

... не боясь позорной казни,
Стоять за правду и закон,
Как Долгорукий без боязни.²

В „Стансах“ Пушкина и в его же стихотворении „Друзьям“ имеются и прямые заимствования из „Дум“ Рылеева на эту тему (так же, как из стихотворения Кюхельбекера „Ермолову“).³ Но это особый вопрос.

Здесь же я хочу лишь отметить, что в понимании многих декабристов наряду с нелегальными формами политической борьбы были вполне допустимы легальные методы пропаганды, вплоть до попыток воздействовать на царя. В этом заключалась одна из слабых сторон дворянской революционности, которая нашла некоторое отражение даже и в деятельности Герцена (что отмечено в статье В. И. Ленина „Памяти Герцена“).

Отсюда следует, что произведения, в которых Пушкин пытался повлиять на царя, при всей их ошибочности не могут служить свидетельством его отказа от вольнолюбивых идеалов, точно так же, как и стихотворение „В Сибирь“, посланное декабристам, не может служить доказательством абсолютной неизменности тех его идей, которых он придерживался, например, во время южной ссылки. Вопрос этот требует

¹ Эта редакция послания цитируется по статье М. А. Цявловского „Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому“ (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН СССР, 1941, т. 6, стр. 43).

² К. Рылеев. Думы. М., 1825, стр. 151.

³ Особенно интересна, с этой точки зрения, дума Рылеева „Державин“.

дальнейшего всестороннего изучения. Говоря же об отношении к Пушкину, сложившемся в России во второй половине 20-х годов, можно с несомненностью констатировать все более возраставшее непонимание его политических позиций. После написания „Стансов“ в 1826 г. позиции Пушкина были настолько неверно поняты некоторыми современниками, что ему пришлось для оправдания писать стихотворение „Друзьям“ („Нет, я не льстец...“). В 30-е годы произошло еще одно недоразумение. Глубочайшее возмущение Пушкина назначением его камер-юнкером было известно лишь очень узкому кругу людей. Что же касается восприятия этого назначения более широкими демократическими кругами, то достаточно напомнить о словах Белинского, писавшего, что стоило Пушкину „надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви“.¹ Эти слова были плодом трагического недоразумения и, конечно, не выражали ни в коей мере общей оценки Пушкина Белинским, который высоко ценил его как великого народного поэта. Но все же непонимание современниками политических позиций Пушкина является фактом.

Таково было положение Пушкина в 30-е годы, т. е. именно в те годы, когда его творчество все более демократизировалось, когда в его мировоззрении, наряду с иллюзиями и предрассудками, появлялись и новые тенденции, по-своему преломившиеся в „Станционном смотрителе“, „Медном Всаднике“, „Капитанской дочке“, „Пиковой даме“, в его публицистике и дневниках. В творчестве Пушкина 30-х годов поставлены вопросы о противоречивости и закономерностях исторического развития, о корнях народных движений, о соотношении между государственной целесообразностью и интересами народа. И наряду с этим Пушкина постоянно волновал вопрос о его собственной политической роли в сложившихся исторических условиях.

Из всего сказанного следует, насколько важно было для Пушкина разъяснить широким кругам русского общества свои политические позиции, показать действительный характер своих убеждений. Опытом декларации такого рода и явилось „Путешествие из Москвы в Петербург“.

Трудности, с которыми Пушкин столкнулся в работе над „Путешествием“, были исключительными. Изучение процесса его работы над этим произведением приводит к заключению, что он стремился обосновать здесь свои взгляды в тонах, приемлемых для цензуры, и, вместе с тем, выдвинуть перед общественным мнением некоторые из острейших вопросов современности. Выполнение этих задач в обстановке 30-х годов было совершенно невозможным, и именно потому пушкинское „Путешествие“ осталось незавершенным. Но все же он приступил к осуществлению своего замысла. Автографы „Путешествия“ отражают мучительный творческий процесс. Ни одна рукопись Пушкина не содержит столько противоречивых, взаимоисключающих вариантов одних и тех же формулировок, столько оговорок и всевозможных ухищрений с целью обойти цензуру. И все же основная тенденция статьи — попытка создать нечто подобное политической декларации, — выступает здесь со всей очевидностью.

Глава „Шоссе“ (в черновике первоначально озаглавленная „Дорожный товарищ“) является вступительной. В ней намечен тот образ героя-путешественника, о котором мы говорили выше. Но уже здесь имеется рассуждение на политические темы, которое вложено в уста смиренного путешественника-обывателя. В беловом тексте после размышлений о состоянии шоссейных дорог сказано: „не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образования и просвещения“. Эта мысль была распространена в публицистике 20—30-х годов. В нее вкладывалось раз-

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч., т. III, М., 1948, стр. 712.

личное содержание. Если, например, у М. П. Погодина она звучала как апология самодержавия, то Пушкин использовал ее полемически, для обличения дворянского общества, равнодушного к судьбам своей страны, ее прогрессу и просвещению (именно так и раскрывает он эту мысль в позднейшем письме к Чаадаеву). В черновиках „Путешествия из Москвы в Петербург“ эта мысль дана в различных вариантах. Слова воображаемого путешественника о том, что в России правительство „впереди на поприще просвещения“, сначала предваряются словами: „Я начал записки свои не для того, чтоб льстить властям, товарищ, избранный мной (т. е. Радищев, — Б. М.) худой внушитель ласкательства, но не могу не заметить...“. Однако для выступающего в этой главе тишайшего домоседа-путешественника слова о „лести властям“ как-то неожиданны: поэтому Пушкин их вычеркивает. В этой же главе, которая должна была определить цензурную благонамеренность всего произведения, Пушкин сначала вводит от лица путешественника дополнительное доказательство такой благонамеренности. Фразу о доме Романовых, находившихся, якобы, „впереди на поприще просвещения“, он уточняет: „... от Михаила Федоровича до Николая I“. Казалось бы, что эти вписанные слова характеризуют политическую „надежность“ путешественника с точки зрения цензуры. Но в черновике далее имеется такая расшифровка этого утверждения, которая сразу же обнаруживает совсем противоположный образ мыслей. После слов, из которых следует, что просвещение распространяется слабо, в черновике написано: „Вот что и составляет силу нашего самодержавия. Не худо было бы иным европейским государствам понять эту простую истину. Бурбоны не были бы выгнаны вилами и камнями, и английская аристократия не принуждена была бы уступить радикализму“. Мысль здесь ясна: распространение просвещения приводит к революционизированию народа. Поэтому Пушкин, в конце концов, совсем убирает и слова о Николае I, и фразу о связи народного просвещения с политическими движениями.

Существенное значение для характеристики мировоззрения Пушкина имеет следующая глава „Путешествия“ — „Москва“, написанная в 1835 г. Программа этой главы гласила:

„Что была Москва? Мнение Екатерины. Что Москва теперь? Отчего сие происходит? Чем Москва еще держится. Сравнение Москвы с боярством. Что из нее будет? Литература. Московский Университет. Горе от ума“. Эта программа не вполне выдержана Пушкиным, однако глава в целом представляет большой интерес. Характеристика Москвы вначале дается как бы с точки зрения все того же путешественника-домоседа, который, „покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург, ... заранее встревожен при мысли переменить... тихий образ жизни на вихрь и шум...“.

Тема Москвы, начиная со второй половины 20-х годов, приобрела особый политический характер. Москва тревожила правительство Николая I своими новыми веяниями и свободомыслием в большей степени, чем Петербург. Показательно, что в составленном Бенкендорфом для царя „Кратком обзоре общественного мнения за 1827 год“ дается характеристика роста недовольства с таким замечанием: „Главное ядро якобинства находится в Москве...“.¹

Говоря о Москве, Пушкин все время имеет в виду старые традиции Москвы, фрондирующей и протестующей против деспотизма. Свое описание Москвы он перебивает характеристиками и картинами быта, но эту идейную тенденцию он все же проводит до конца, противопоставляя Москву аристократическому „чопорному Петербургу“. Если выделить места, на которые

¹ Красный Архив, т. 37, стр. 165.

опирается политическая тенденция главы, то мы получим следующие опорные фразы:

„Москва! Москва!... — восклицает Радищев на последней странице своей книги и бросает желчью напитаанное перо, как будто мрачные мысли... рассеялись при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной“.

„... некогда в Москве пребывало богатое, неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые...“.

„Невинные странности москвичей были признаком их независимости“.

Пушкин пишет далее об упадке Москвы как следствии упадка русского дворянства, и здесь у него звучат элегические ноты. Но вслед за тем он указывает, что „Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силой. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал Университет по предначертанию Ломоносова“.

Для позиций Пушкина 1835 г. особенно важны те явные симпатии, которые он высказывает московским литераторам. Приводим варианты из рукописи: „Признаюсь в моей слабости: московскую словесность я всегда предпочитал петербургской. Добросовестность, ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы... Даже в журнале, принадлежащем к предприятиям чисто торговым, даже и тут перевес на стороне московского издателя: Какая смышленность в выборе переводных статей! какая оборотливость в суждениях о предметах вовсе чуждых понятиям критика!“. Неоспоримо, что эти слова Пушкина по-новому определяли его позицию в литературной обстановке 30-х годов, когда „литературные аристократы“ резко выступали против духа „московской словесности“. К попыткам Пушкина отделить свою позицию по отношению к московской литературе и писателям-разночинцам примыкает и следующее место из черновика главы „Путешествия“, озаглавленной „Ломоносов“. Здесь мы читаем:

„Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия. Писатели-дворяне... постепенно начинают от них удаляться под предлогом какого-то не приличия. Странно, что в то время, когда во всей Европе готический предрассудок противу наук и словесности... почти совершенно исчез, у нас он только что начинает показываться. Уже один из самых плодовитых наших писателей провозгласил, что литературой заниматься он более не намерен, потому что оно дело не дворянское. Жаль! Конечно, не слишком лестное товарищество некоторых новичков отчасти тому причиною, но разве бесчестное поведение двух или трех выслужившихся проходивцев может быть достаточным предлогом для всех офицеров оставить шпагу и отречься от честного звания воинов!“.

Эта декларация Пушкина бросает новый свет на всю его позицию в полемике о так называемой „литературной аристократии“. В то время как, например, Вяземский, выступая на эту тему, все ярче обнаруживал реакционно-консервативную дворянскую основу своих взглядов, для Пушкина упомянутая полемика была своеобразной формой действительной защиты подлинного демократизма в литературе и борьбы с реакционной мешанской журналистикой, вождем которой был Фаддей Булгарин. Трудно пока с достаточной степенью достоверности указать, кого именно имел в виду Пушкин, говоря о „плодовитом писателе“, провозгласившем свой

отказ от занятия литературой, ибо „оно дело не дворянское“. В 30-х годах рассуждения на эту тему попадают часто и в стихах, и в статьях, и в переписке ряда современников. Так, например, в 1833 г. Баратынский писал в одном из писем Вяземскому: „Будем мыслить молчанием и оставим писательское поприще Полевым и Булгариным“. Мы полагаем, что Пушкин, говоря о „готическом предрассудке“, подразумевал именно Вяземского, позиция которого в 30-х годах четко вырисовывалась как позиция апологета антидемократического дворянского искусства (характерно „Послание графу Сологубу“ Вяземского 1834 г., где выражено презрение к литераторам, идущим „тропой простонародной“).¹ Принципиальное значение имело и признание Пушкиным прогрессивности промышленного развития Москвы. На фоне жалоб дворянской поэзии и критики о наступлении „железного века“, разрушающего искусство, на фоне программной статьи идеолога реакционного дворянства — Шевырева „Словесность и торговля“ своеобразии позиций Пушкина очевидно. В этом отношении глава „Москва“ (если бы она оказалась напечатанной при жизни Белинского) прояснила бы позиции Пушкина и для Белинского. Стремление Пушкина к союзу с Белинским и приглашение его в „Современник“ получает благодаря всему этому более прочное обоснование в эволюции литературных взглядов Пушкина. И нам представляется не случайным, что Белинский в своем отзыве об XI томе посмертного собрания сочинений Пушкина отметил статью „Москва“ как примечательную.

В заключение главы „Москва“ Пушкин думал напечатать сравнительную характеристику Москвы и Петербурга, написанную Гоголем (она была напечатана анонимно в вышедшем после смерти Пушкина VI томе „Современника“ под названием „Петербургские записки 1836 года“). Здесь у Гоголя, наряду с легкой фельетонной обрисовкой различия между Москвой и Петербургом, можно отметить и принципиальные, — в плане пушкинской главы „Москва“, — моменты: Гоголь подчеркивает народность Москвы, ее простоту, в противоположность светскому Петербургу, где и в журналах толкуют о благонамеренности. Среди беглых определений Москвы и Петербурга 30-х гг. имеется и следующая мысль: „Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия“. Официальность светского Петербурга, отвлеченность его от общественных интересов — эта тема развивается и в других замечаниях Гоголя.

В главе „Ломоносов“ Пушкин дает высокую оценку этому замечательному деятелю русской национальной культуры. Эта глава является одним из наиболее ярких выражений патриотической гордости Пушкина передовой русской культурой. Он называет Ломоносова „великим человеком“, „самобытным сподвижником просвещения“, который не только „создал первый университет“, но и „сам был первым нашим университетом“. Приведенный здесь же рапорт Ломоносова о его „упражнениях с 1751 года по 1757“ раскрывает всеобъемлющую гениальность русского ученого. Особую актуальность имела для Пушкина тема о независимости поэта, и ее он в главе „Ломоносов“ трактует с подчеркнутой заинтересованностью. Насколько эта тема волновала Пушкина, свидетельствует уже тот факт, что в черновике главы „Ломоносов“ он прямо говорит устами путешественника о самом себе: „Все журналы пришли в благородное бешенство [вариант: осыпали ругательствами Пушкина], восстали против стихотворца, который (о верх унижения!) в ответ на приглашение князя** извинялся в стихах, что не может к нему приехать и обещался к нему приехать на дачу! Сие несчастное послание было предано всенародно проклятию, и с той поры, говорит один журналист, слава*** упала совершенно!“. Здесь подразумевается стихотворение Пушкина

¹ Альманах „Новоселье“, 1834, стр. 26.

„К вельможе“, вызвавшее памфлет Полевого и другие нападки на поэта. Глава о „Ломоносове“ была особенно важна для Пушкина защитой своей позиции независимого поэта. Здесь он снова отвергал те обвинения по своему адресу, на которые ранее откликнулся в стихотворении „Друзьям“. Развивая тему о независимости и принципиальности писателя, Пушкин замечает, что Ломоносов „не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве любимых идей“. Пушкин приводит слова Ломоносова Шувалову: „Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господ моего бога дураком быть не хочу“. Эти же слова Ломоносова Пушкин неоднократно повторяет в применении к самому себе и в дневнике и в своих письмах.

Позиция политической независимости обосновывается здесь Пушкиным в противовес не только беспринципному блоку Полевого и Булгарина (эти имена не названы, но они легко угадываются из контекста), но и в противовес нравам, царившим среди писателей Англии и Франции, где, по словам Пушкина (в черновике): „...сословие писателей потому только не ползает перед министрами, что публика в состоянии дать больше денег“. Программное значение должно было иметь утверждение Пушкина: „У нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу...“.

Следует отметить, что Белинский в отзыве об XI томе посмертного собрания сочинений Пушкина указал, что среди вновь опубликованных пушкинских статей „особенно интересна превосходная статья «Ломоносов»“.

В главе „Путешествия“, посвященной цензуре, Пушкин, несмотря на оговорки, исходит из основных требований, которые выражены в его же двух посланиях к цензору (1822 и 1824 гг.), написанных в целях полулегальной пропаганды. В черновом тексте главы о цензуре имеются прямые совпадения с этими посланиями. Так, например, в главе о цензуре мы читаем: „Цензор есть важное лицо в государстве, сан его имеет нечто священное. Место сие должен занимать гражданин честный...“. В пушкинском же послании цензору 1824 г. этим словам соответствует:

... цензор гражданин и сан его священней.

Основная идея этой главы — защита свободы мысли, хотя бы в пределах пресловутой „законности“. Необходимо учитывать, что в обстановке идеологического террора 30-х годов и соблюдение цензурного устава принесло бы некоторое облегчение литературе: цензоры в своем стремлении препятствовать малейшему проблеску самостоятельной мысли, даже самой невинной, не считались с суровыми и без того требованиями устава.

В этой связи и следует рассматривать имеющееся в рукописи замечание: „Несостоятельность закона столь же вредит правительству..., как несостоятельность денежного обязательства“. Особое место занимает в этой главе обоснование силы печатного слова: „Что значит аристократия богатства и породы в сравнении со влиянием аристократии пишущих талантов? Никакое богатство..., никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда“.

В черновике главы о цензуре Пушкин чаще, чем в других главах, теряет спокойный тон, который он всемерно старался выдержать в „Путешествии“. Перед нами за литературным образом смиренного путешественника, который глубокомысленно замечает, что „безнравственные книги суть те... кой целью имеют распаление чувственности приипическими изображениями“, то и дело возникает сам Пушкин с его острой, непримиримой и уже ничем не прикрытой ненавистью к николаевской цензуре. В том

месте рукописи, где говорится о роли и задачах цензуры как контролирующего органа, имеется такой вариант: „слишком было бы жестоко подвергать двойной и тройной ответственности писателя... под предлогом злоумышления, бог ведает какого“. Далее, начата фраза: „Негодование писателя было бы справедливо“. Фраза не закончена, но затем следует: „... и цензора не должно запугивать, придираясь за мелочи, неумышленно пропущенные им, и делать из него уже не стража государственного благоденствия, а грубого жандарма, поставленного у веревки на перекрестке, с тем, чтоб не пропускать народа“. В белой рукописи все это, конечно, отсутствует. Автобиографичность этих слов была слишком ясна: Пушкин подвергался „тройной ответственности“, тройной цензуре — царя, шефа жандармов и цензуре обыкновенной.

Мы остановились на некоторых главах „Путешествия“, интересных с точки зрения изучения литературно-политических позиций Пушкина 30-х годов. Не меньший интерес представляют главы, посвященные важнейшей для его времени проблеме крепостного права (главы „Русская изба“, „Медное“, „Шлюзы“ и отчасти „Рекрутство“). Материал этих глав с полной определенностью подтверждает, что Пушкин и в 30-е годы продолжал, разумеется, оставаться убежденным противником и обличителем крепостного права. Но поскольку он считал возможность ликвидации крепостничества в то время нереальной, а путь крестьянской революции отвергал, постольку он стремился выдвинуть всякие смягчающие участь крестьянства меры. В то же время Пушкин полным голосом протестовал в своем „Путешествии“ против жестокостей крепостного рабства. Он целиком соглашался с обличениями жестоких помещиков, которые были сделаны Радищевым, вплоть до признания законности мести крестьян жестоким помещикам. Особенно интересна с этой точки зрения глава, где Пушкин цитирует большой отрывок из книги Радищева, рисующий заядлого крепостника-помещика, который довел крестьян до полной нищеты и голода. Далее пушкинский путешественник вспоминает, по аналогии, своего знакомого помещика и говорит о нем: „Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению, с целью...“. После описания жестокостей этого тирана следуют иронические слова о нем: „Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить... Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара“.

В главе „Русская изба“ ярко изображены замечательные качества русского крестьянина, свойственное ему чувство собственного достоинства, его одаренность, смелость, смысленность. В сопоставлении с угнетенным положением крепостного крестьянина эта характеристика была особенно выразительной. В этой же главе заключена характеристика эксплуатации английского пролетариата, из которой следует, что Пушкин с большой пронизательностью видел всю порочность западноевропейского государственного строя. „Прочтите жалобы английских фабричных работников, — писал Пушкин, — волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смидта или об иголках г-на Джаксона“. В черновом варианте этой главы отмечено также раболопное поведение „нижней каморы перед верхней“, „продажные голоса“ (т. е. лживость парламентарной избирательной системы), „тиранство“ в Индии. Все это свидетельствует о том, что Пушкин отвергал и феодальную и капиталистическую систему угнетения народа.

Для наиболее полного понимания пушкинского „Путешествия“ существенно следующее обстоятельство. Работая над этим произведением, Пушкин внимательно изучал тот самый экземпляр радищевского „Путешествия из Петербурга в Москву“, который был в тайной канцелярии. На этом экземпляре имеется надпись: „Экземпляр бывший в тайной канцелярии, заплачен двести рублей. А. Пушкин“.¹ На полях этой книги и кое-где в тексте красным карандашом подчеркнуты все те места, на которые Екатерина указала в своих замечаниях. Пометы скорее всего сделаны самой Екатериной или же с точностью скопированы для уголовной палаты. Сопоставление помет Екатерины с теми местами пушкинского „Путешествия“, где цитируется Радищев, показывают, что Пушкин в ряде случаев вступает в скрытую полемику с Екатериной.

Так, например, на одной странице 288 „Путешествия“ Радищева отмечены крестиками и подчеркнуты слова: „... власть со свободой сочетать должно на взаимную пользу“. По поводу этих слов Екатерина в своих известных замечаниях на „Путешествие“ писала: „Сие думать можно, что целит на французский развратный нынешний пример. Сие тем более вероятно становится, что сочинитель везде ищет случай придратся к царю и власти“. Пушкин в главе „Этикет“ пишет: „Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу. Истина неоспоримая ...“.

На странице 349 Екатериной отмечено место, где Радищев говорит: „... свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободы поборствовать, все великие отчиники, и свободы не от их совета ожидать должно, но от самой тяжести порабощения“. В замечаниях по поводу этих слов Екатерина пишет, что Радищев возлагает надежду на бунт мужиков. Пушкин, выписав из радищевского „Путешествия“ картину, которая дала повод Екатерине для этого заключения, говорит: „Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в надутых, но искренних мечтаниях ... с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле ...“.

И в ряде других мест своего „Путешествия“ Пушкин внимательно учитывает замечания Екатерины, но из цензурных соображений вводит в свой текст формулировки о „дерзостных мечтаниях“, „полуистинах“ Радищева.

Тот факт, что пушкинское „Путешествие“ представляет собою опыт политической публицистики, для которой использование радищевского „Путешествия“ было поводом, не снимает, однако, и здесь вопроса о пушкинской оценке Радищева. Конечно, при некоторых тенденциях эволюции Пушкина к более высшему — по сравнению с дворянской революционностью — мировоззрению, грани, отделявшие идеологию поэта от крестьянской революционности Радищева, являются вполне определенными. Но необходимо учитывать, что отрицательные формулировки, которыми герой пушкинского „Путешествия из Москвы в Петербург“ пользовался при характеристике Радищева, являются заимствованными и ему не принадлежат. Это формулировки Екатерины, с замечаниями которой Пушкин был, несомненно, знаком (повидимому, по материалам архива Воронцова в Одессе), формулировки из официального постановления по делу Радищева и, — наряду с этим, — из манифеста 1826 г. Приведем несколько примеров. Путешественник в произведении Пушкина говорит о произведении Радищева: „Желчью напитанное перо“, — у Екатерины: „желчью нетерпение разлилось ...“. Слова „полуистины“, „полупросвещение“ ведут к формулировкам у Екатерины: „полумудрец“; в манифесте: „полупознание“. Далее формулировка о „дерзких мечтаниях“ почти дословно взята

¹ Хранится в Институте литературы (Пушкинском Доме) АН СССР.

из манифеста („дерзостные мечтания“). В пушкинском черновике имеется и такая (зачеркнутая впоследствии) характеристика Радищева: „он хуже Пугачева“. Эти слова Екатерины были записаны Храповицким (с дневником Храповицкого Пушкин также был знаком: выписка из этого дневника приложена к статье „Александр Радищев“). Все эти ходячие официозные формулы, конечно, не отражали взглядов самого Пушкина. Эти формулы были введены в „Путешествие“ для усыпления бдительности цензуры и характеризуют образ мышления героя пушкинского „Путешествия из Москвы в Петербург“.

В нашей статье мы ставили своей задачей освещение замысла только этого произведения. Изучение вопроса о соотношении взглядов Пушкина с взглядами Радищева во всей полноте представляет собой тему отдельной работы. Следует, однако, подчеркнуть, что разногласия Пушкина с Радищевым по некоторым коренным политическим проблемам (и, в частности, по вопросу о крестьянской революции) не ослабляли в сознании Пушкина уверенности в том, что он является преемником великих традиций Радищева — великого русского писателя, обличителя деспотизма и крепостничества, друга народа. Осознанность самим Пушкиным этой преемственности обычно подтверждается вариантом „Памятника“: „... вслед Радищеву восславил я свободу“. Между тем, все это стихотворение является своеобразным итогом творческого пути Пушкина в свете именно тех критериев, которые были выдвинуты Радищевым в „Путешествии из Петербурга в Москву“. Эти критерии так сформулированы Радищевым:

„Не столп воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего, пренесет славу твою в будущия столетия. Слово твое живущее присно и во веки в творениях твоих, слово Российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных, за необозримый горизонт столетий“. „... доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь“. „Нет, не холодный камень сей повествует, что ты жил на славу имени Российского, не может он сказать, что ты был. Творения твои да повествуют нам о том, житие твое да скажет по что ты славен“.

Нет необходимости приводить в параллель к этим словам Радищева текст пушкинского стихотворения „Я памятник себе воздвиг нерукотворный...“. Совпадение идей этого стихотворения с приведенным выше отрывком радищевского „Путешествия“ является совершенно очевидным. Пушкин продолжил здесь радищевскую патриотическую идею о значении поэта в потомстве, о величии русского языка, о подвиге вдохновенного независимого гения во славу родины и народа.